

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

Выпуск № 19
Сентябрь 2025
«Морская сила в Индо-Пацифике»

все выпуски здесь

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Составители

Д.В. Тренин (руководитель проекта), к.и.н., директор Института мировой военной экономики и стратегии, dtrenin@hse.ru

Е.А. Дегтерева (заместитель руководителя проекта), д.э.н., заместитель директора Института мировой военной экономики и стратегии, edegtereva@hse.ru

А.Ю. Чихачев (научный редактор), к.полит.н., ведущий эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, achihachev@hse.ru

А.Д. Янькова (аналитик), младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований

Е.К. Балавина (аналитик), менеджер Института мировой военной экономики и стратегии

Т.С. Викторов (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

М.О. Габриелян (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.Ф. Мирская (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

М.А. Парамонова (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.И. Сабанцев (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.С. Прокофьева (верстка/дизайн)

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

по материалам зарубежных
аналитических центров

Институт мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ (ИМВЭС НИУ ВШЭ) представляет **«GS trends 9'25: мониторинг глобальных стратегических трендов»**.

- Каждый выпуск составлен по материалам ведущих зарубежных аналитических центров и обеспечивает краткий аналитический формат, что позволяет экономить время.
- Мониторинг отражает наиболее важные экспертные идеи в области международной безопасности, военной политики и экономики.
- Публикации сгруппированы по странам и объединены в ключевые тематические разделы.
- Выпуск основывается на информации, доступной на последний день каждого месяца.
- Выборка материалов зарубежных центров сформирована экспертами-аналитиками ИМВЭС, профессионально владеющими различными языками (в том числе китайским, корейским, японским, немецким, французским, итальянским, польским и др.).
- Уникальность мониторинга заключается в том, что многие оригинальные доклады зарубежных аналитических центров в России недоступны.
- Мониторинг будет полезен широкому кругу специалистов, в том числе исследователям, а также лицам, принимающим решения.

Выпуск «GS trends 9'25: мониторинг глобальных стратегических трендов» преимущественно посвящен вопросам морской безопасности и наращивания военно-морских сил США и Китая, а также рискам конфронтации в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

Материал открывает раздел «Стратегия», содержащий группу статей, подготовленных под эгидой аналитических центров США, КНР, Франции, Южной Кореи и Саудовской Аравии. Американские авторы из Фонда «Наследие» рассуждают о необходимости укрепления военно-морского присутствия США в ИТР за счет возрождения Первого флота. Ключевой предпосылкой для его скорейшего развертывания считается необходимость реагирования на действия Пекина, якобы уже почти готового к высадке на Тайвань и широкому противостоянию с США по всему региону. Аналитики из Китайской военной сети, со своей стороны, констатируют, что ряд военных приготовлений Штаты уже ведут: в частности, осуществлена переброска авиации на авиабазу «Ивакуни» в Японии. В Институте международных и стратегических исследований Пекинского университета (IISS) прослеживают историю технологической эволюции американских и китайских вооруженных сил за последние десятилетия, приходя к выводу, что «эпохальный разрыв» между ними нивелирован. На этом фоне во Франции (IRIS) считают, что Европа тоже должна не держаться в стороне от возможного конфликта за Тайвань, а теснее координироваться со своими региональными и американскими союзниками. Схожие мысли звучат и в южнокорейской экспертной среде (KIMA) с поправкой на то, что национальным вооруженным силам сначала необходимо встать на позицию политического нейтралитета в собственной стране. Саудовских аналитиков (GRC) предсказуемо больше всего интересует вопрос о Палестине, после дипломатического признания которой, по их мнению, страны ЕС должны конкретизировать ее дальнейшую поддержку.

Раздел «Военная мысль» представлен текстами из американского Фонда «Наследие» и индийского центра ORF. Первый продолжает военно-морскую тематику и содержит ряд предложений по укреплению американской мощи в ИТР. Речь идет, в частности, о необходимости срочно выделить на флотские нужды дополнительные бюджетные средства, развернуть производство современных кораблей, построить новые верфи на западном побережье США. Во втором тексте индийские специалисты обобщают основные тенденции военного строительства КНР, подчеркивая, что Пекин вплотную подошел к созданию «армии мирового уровня». Китайские вооруженные силы прошли через глубокую модернизацию, совершенствование системы управления, локализацию производств, хотя некоторые проблемы (коррупция, медленное освоение новой техники) еще остаются на повестке дня.

Раздел «Новые технологии» отражает часть недавних наработок южнокорейского Института иностранных дел и национальной безопасности (IFANS). В отчетном материале авторы подводят итоги Всемирного форума по вопросам новых угроз безопасности 2025 г., на котором обсуждались современные гибридные угрозы. Участники форума зафиксировали, что эффективным ответом было бы взаимодействие между государственным и частным секторами, укрепление стабильности и стрессоустойчивости общества. Для борьбы с дезинформацией, отражения кибератак и победы в будущих когнитивных войнах Сеул должен теснее взаимодействовать со своими ближайшими партнерами в ИТР.

Раздел «Специальная военная операция» содержит материал Центра новой американской безопасности (CNAS). В нем эксперты рассуждают о риске вовлечения США в конфликты одновременно на двух географических направлениях, считая, что сразу после гипотетического обострения вокруг Тайваня ситуацией воспользуется Россия, способная перейти в наступление на европейских союзников Вашингтона. По их мнению, во избежание такой ситуации странам ЕС следует еще активнее вооружаться и теснее координироваться внутри НАТО, несмотря на текущие политические расхождения.

Если вы не нашли в этом выпуске нужный вам материал или хотите дать обратную связь, можете обратиться к А.Ю. Чихачеву (achihachev@hse.ru).

Содержание

СТРАТЕГИЯ.....	8
США	8
Воссоздание Первого флота и продвижение AUKUS для устранения критических брешей в тихоокеанской обороне Америки.....	8
Китай.....	11
Возобновление тренировок вооруженных сил США в Японии	11
Взлет и падение «эпохального разрыва»: к пониманию китайско-американского военно-технического соперничества	14
Франция	20
Тайваньский пролив перед угрозой соперничества и кризиса: стратегические вызовы и возможности для Франции	20
Республика Корея	23
Ключевые направления оборонной политики нового правительства и задачи по их реализации.....	23
Саудовская Аравия	25
Последствия и ограничения признания Палестины Западом	25
ВОЕННАЯ МЫСЛЬ.....	28
США	28
Девять идей для флота: предложения по ускорению процесса наращивания ВМС США.....	28
Индия	33
Отражение последних тенденций в военной модернизации Китая – 2025	33

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	41
Республика Корея	41
Открытие, значение и результаты Всемирного форума по вопросам новых угроз безопасности: гибридные угрозы в сочетании с новыми технологиями и реакцией международного сообщества	41
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ.....	44
США	44
Понять взгляды России на ситуативную агрессию в Европе	44

США

Воссоздание Первого флота и продвижение AUKUS для устранения критических брешей в тихоокеанской обороне Америки

(Reestablish First Fleet and Advance AUKUS to Close Critical Gaps in America's Pacific Defense)

Фонд «Наследие»
(The Heritage Foundation)

Брент Сэдлер (Brent Sadler), старший научный сотрудник по военно-морским операциям и передовым технологиям в Центре национальной безопасности имени Дугласа и Сары Эллисон при Фонде «Наследие». До перехода в Фонд более двух десятилетий служил в ВМС США на атомном подводном флоте, а также отвечал за внешние контакты в Тихоокеанском командовании, координируя отношения со странами АСЕАН и Японией по вопросам морской безопасности.

08.09.2025. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/reestablish-first-fleet-and-advance-aukus-close-critical-gaps-americas-pacific>

Теги: #США #Китай #Австралия #ИТР #AUKUS

В свежем докладе Фонда «Наследие» аналитик Б. Сэдлер рассматривает современные возможности США по наращиванию своих военно-морских сил в краткосрочной перспективе. Отталкиваясь от тезиса, что в 2027 г. КНР якобы может начать вооруженный конфликт за Тайвань и контроль Южно-Китайского моря, автор задается вопросом о том, что США могли бы «успеть сделать в оставшиеся 18 месяцев». Его центральным тезисом становится идея воссоздания Первого флота ВМС США, появление которого могли бы внести большую «путаницу» для Китая относительно возможных действий на море в пределах первой островной цепи. Для достижения поставленной цели Б. Сэдлер предлагает перепрофилировать под военные нужды находящиеся на вооружении транспортные корабли, а также активизировать по линии AUKUS формирование и подготовку персонала. Также он предлагает в рамках пакта активизировать строительство инфраструктуры для атомных подводных лодок. По его мнению, эти меры позволят предотвратить конфликт в ИТР в краткосрочной перспективе.

В рамках данного доклада Б. Сэдлер рассматривает перспективы развития оборонного пакта США, Австралии и Великобритании (AUKUS) и его основную компоненту по развитию атомного подводного флота. Вынося в качестве центрального тезиса идею о готовности Народно-освободительной армии Китая (НОАК) якобы начать вооруженный конфликт за Тайвань, автор задается вопросом, какие шаги могла бы предпринять администрация Д. Трампа, чтобы оказаться лучше подготовленной к столкновению.

По мнению аналитика, именно усиление координации внутри AUKUS могло бы стать краткосрочной мерой, которая укрепит американские позиции в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Причиной тому он называет успех США в развитии атомных подводных лодок – включая их строительство для Австралии, – так как сам Китай испытывает нехватку техники подобного типа. Поскольку атомные подлодки способны быстро преодолевать расстояния и могут быть оснащены дальнобойными вооружениями, Б. Сэдлер предлагает распределить их небольшими базами по всему региону Индо-Пацифики, «запутывая» командование ВМС НОАК. Обосновывает автор такую идею опытом Второй мировой войны, когда из-за отставания Японской империи в подлодках и способности США эффективно «распылить» свои силы Вашингтону удалось держать противника в неведении.

Кроме того, для создания большей неопределенности для руководства КНР исследователь предлагает восстановить Первый флот ВМС США (базирувавшийся на Алеутских островах), выведя его из состава Третьего флота. В рамках стратегии офшорного балансирования предлагается привлечь совместный персонал и ресурсы по линии AUKUS, чтобы облегчить для Соединенных Штатов процесс формирования и развертывания новых сил.

Суммируя все вышесказанное, Б. Сэдлер предлагает следующие меры.

1. Министр ВМС должен уведомить конгресс США о намерении воссоздать Первый флот для зарубежных операций. Учитывая материально-технические проблемы, необходимо перепрофилировать под военные задачи экспедиционные скоростные транспортные корабли класса *Spearhead*, на которых должен служить небольшой специализированный персонал AUKUS. Порты приписки этих кораблей могут ротироваться по всему региону.

2. Министр обороны и директор Управления по бюджету должны опубликовать бюджетные рекомендации по финансированию создания Первого флота с соответствующими операционными расходами.

3. Командующему INDOPACOM следует отдать распоряжения по планированию и проведению морских операций по противодействию пиратству в Южно-Китайском море под руководством командующего Первым флотом. Этот приказ будет важен для обеспечения координации совместных военных действий в рамках регионального морского подхода, призванного пресечь действия Китая в «серой зоне» и одновременно получить дополнительный доступ к региональным портам и объектам.

4. Президент должен назначить командующего Первым флотом в звании вице-адмирала. Назначение флагмана воссозданного номерного флота требует выдвижения президентом и одобрения конгресса. Учитывая стратегические последствия и кардинальный характер переориентации военно-морского присутствия на Южно-Китайское море, прямое участие президента будет означать поддержку со стороны высшего руководства, а также обеспечит межведомственную поддержку.

Б. Сэдлер резюмирует, что США сталкиваются с многочисленными материальными и техническими проблемами в развитии своих ВМС, особенно на фоне успешного наращивания Китаем своего флота. В связи с этим он предлагает частичную конверсию имеющихся сил и привлечение союзников по AUKUS, которые могли бы «поделиться» своими ресурсами. По его мнению, сам факт подобного увеличения численности флота, демонстрация единства AUKUS и его реформирование в более четкую структуру альянса, а также его привлечение к операциям в Южно-Китайском море позволят сформировать впечатление об американском контроле над ИТР, что «позволило бы предотвратить» начало Китаем операции по возвращению Тайваня.

Китайская военная сеть
(中国军网)

Ван Чэнвэнь (王成文), специальный корреспондент, аналитик Китайской военной сети

29.09.2025. URL: http://www.81.cn/wj_208604/16412782.html

Теги: #Китай #США #Япония #Обучение #Командование и контроль

Для китайских аналитиков активность США в Японии является важнейшим индикатором перераспределения военного потенциала в рамках так называемой первой островной цепи и прямым отражением того, насколько глубоко Вашингтон способен интегрировать союзников в стратегию сдерживания Китая. Перемещение палубной авиации на «Ивакуни» и постоянная эксплуатация F-35B/C расширяют возможности быстрого реагирования и увеличивают глубину американского присутствия в западной части Тихого океана. В китайской интерпретации это расценивается как попытка создать «многоуровневую линию давления» вдоль побережья КНР. Кроме того, Пекин рассматривает подобные шаги США через призму «всеобъемлющей концепции национальной безопасности» (总体国家安全观), где экономическая, технологическая и военная составляющие взаимосвязаны. Усиление американской инфраструктуры в Японии повышает риски стратегической изоляции Китая в западной части Тихого океана, а также создает угрозу для его морских коммуникаций, обеспечивающих в первую очередь бесперебойность торговли (в том числе импорта энергоносителей в КНР). Поэтому подобные события внимательно анализируются китайскими военными исследовательскими центрами и профильными институтами как с точки зрения оперативных сценариев, так и в контексте долгосрочного геополитического противостояния.

Эксперты официального портала Народно-освободительной армии Китая (НОАК) зафиксировали, что на авиабазе «Ивакуни», расположенной в префектуре Ямагути на юго-западе острова Хонсю в Японии, прошли учения палубной авиации ВМС США, в ходе которых пилоты выполняли тренировочные посадки и взлеты по схеме 岸基起降¹ – то есть имитацию палубы авианосца на наземной взлетной полосе. Подобные тренировки используются для отработки так называемых touch-and-go – коротких касаний с немедленным взлетом, что позволяет пилотам поддерживать квалификацию «дальнеморского захода на посадку»².

Исторически база «Ивакуни» имеет особое значение: она была построена еще в 1938 г. как авиабаза японского флота и в конце Второй мировой войны подвергалась массированным бомбардировкам. С 1958 г. она перешла под управление морской пехоты США и в настоящее время используется совместно с силами самообороны Японии.

Обычно подобные тренировки проводятся на Иводзиме, где благодаря удаленности от населенных пунктов, отсутствию постоянных жителей и высокому уровню секретности обеспечиваются оптимальные условия. Однако с 1 сентября 2025 г. на острове активизировалась вулканическая деятельность, из-за чего безопасность тренировок оказалась под угрозой. Американская сторона, воспользовавшись ситуацией, временно перенесла отработку на «Ивакуни».

По официальным данным, тренировки проводились с 17 по 26 сентября по будням в два временных слота – с 13:30 до 16:30 и с 18:45 до 21:45. В маневрах были задействованы истребители F-35C и F/A-18 разных модификаций, включая F/A-18D, недавно переброшенные на эту базу. Несмотря на заявления Пентагона о «временном характере» таких учений, китайские аналитики отмечают, что данные мероприятия являются важным этапом подготовки к вводу в эксплуатацию новой совместной американо-японской базы на острове Мамо в префектуре Кагосима.

¹ Выражение 岸基起降 буквально означает «взлет и посадка на береговой (наземной) базе» – то есть тренировочные полеты палубных истребителей на обычной ВПП, имитирующие посадку и взлет на авианосце. Это один из типично военных терминов, используемых ВМС Китая и Японии, заимствованный из американской практики подготовки палубной авиации.

² Это лицензия или квалификация, которую пилот палубной авиации получает после успешного прохождения тренировок по посадке на авианосец, включая ночные и сложные метеоусловия.

С военной точки зрения «Ивакуни» имеет стратегическое значение. База расположена в районе, контролирующем подходы к проливу Цусима, и вместе с объектами в Окинаве, Йокоте и Мисаве образует опорную дугу, обеспечивающую возможность быстрого вмешательства США и Японии в потенциальные кризисы в Восточной Азии, включая потенциальную эскалацию вокруг Тайваня или Корейского полуострова. При этом «Ивакуни» становится основным узлом размещения малозаметных самолетов в регионе: на постоянной основе здесь могут находиться от 60 до 72 F-35B/C, что делает базу ключевым элементом реализации концепции Lightning Carrier – легкого авианосца, способного действовать в распределенной конфигурации.

Символом дальнейшего повышения роли «Ивакуни» стало прибытие туда американского ракетного комплекса средней дальности *Typhon*, впервые размещенного на территории Японии. Он участвовал в совместных учениях «*Keen Dragon 2025*» (11-25 сентября 2025 г.), что рассматривается экспертами НОАК как элемент ускоренного создания в АТР наземной ударной системы США. Таким образом, «Ивакуни» превращается не только в центр авиационной подготовки, но и в многофункциональный плацдарм для интегрированных операций, охватывающих авиационные и ракетные компоненты.

Аналитики отмечают, что активизация военной активности сопровождается ростом социального напряжения (это традиционный тезис китайских экспертов, сопровождающий любые материалы, касающиеся американского военного присутствия за рубежом, особенно в Японии). По данным японской государственной телерадиокорпорации NHK, 17 сентября зафиксировано 108 тренировочных полетов с шумом, достигающим 89 дБ. Жители города Ивакуни и окрестностей выразили протест против ночных полетов, усиливающих акустическую нагрузку. Мэр Фукуда Ёсихико и губернатор Ямагути Мураока Цугумаса обратились к властям с требованием ограничить подобные тренировки. История местных протестов насчитывает десятилетия: еще в 2000 г. внезапные двухдневные учения без уведомления вызвали 141 жалобу и масштабные акции протеста.

В долгосрочной перспективе «Ивакуни» может стать ключевой площадкой для концентрации ударных авиационных средств США в Японии, что превращает ее в потенциальную цель в случае вооруженного конфликта. Это усиливает обеспокоенность местного населения и добавляет новое измерение в и без того сложные отношения Японии с США и КНР.

Взлет и падение «эпохального разрыва»: к пониманию китайско-американского военно-технического соперничества

(The rise and fall of era gap: understanding China-US military technology competition)

Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета

(Institute of International and Strategic Studies Peking University (IISS), журнал China International Strategy Review (CISR))

Чэнь Ли (Chen Li), Школа международных исследований, Китайский народный университет, Пекин

08.09.2025. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-025-00190-z>

Теги: #Военная стратегия #Китайско-американские отношения
#Технологическое соперничество #Эпохальный разрыв (era gap)
#Модернизация НОАК #A2/AD #Оборонная промышленность

Статья Чэнь Ли представляет собой систематизированный китайский взгляд на эволюцию военно-технологического соперничества между КНР и США. Автор прослеживает формирование так называемого era gap – технологического разрыва между «механизированной» НОАК и «информатизированными» ВС США, его постепенное сокращение и последующее исчезновение на современном этапе. На основе китайских источников – выступлений Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао, официальных документов КНР – статья описывает ключевые этапы модернизации НОАК: от советской помощи и «третьей линии» в 1950-х – 1970-х до внедрения концепций A2/AD и построения системы совместного командования в XXI в. В этом смысле работа ценна как целостная хроника успехов китайского военного строительства и отражение внутренней логики Пекина в контексте усиливающегося соперничества с США.

При этом статья носит ярко выраженный нарративный характер: она практически не опирается на количественные данные, а концепт era gap не получает строгой операционализации. Эмпирическая и методологическая база остается ограниченной, а аргументация – односторонней, с предпосылкой о «необратимом» упадке американского технологического превосходства. Для аналитических целей важно воспринимать ее не как доказательство военного паритета, а как отражение китайской самооценки и стратегического оптимизма. НОАК действительно прошла впечатляющий путь модернизации, но Китай все еще находится в процессе институциональной и технологической донастройки, а потенциал ВС США и американского ОПК остается значительным.

Введение

В статье анализируется военно-техническое соперничество между Китаем и США через призму концепции «эпохального разрыва» (era gap). Автор определяет этот разрыв как качественное, а не количественное отставание одной военной системы от другой, соответствующее целой технологической эпохе. Конкретно речь идет о пропасти между «информатизированной» армией США и «механизированной» армией Китая, которая стала для китайских стратегов очевидной после войны в Персидском заливе в 1991 г.

Основной тезис статьи заключается в том, что этот разрыв, возникший еще во времена холодной войны, был устранен примерно к 2020 г. Это стало возможным благодаря двум параллельным процессам: с одной стороны, Китай реализовал целенаправленную и устойчивую программу модернизации вооруженных сил, а с другой – США столкнулись со стагнацией в этой сфере, будучи истощенными многочисленными конфликтами и сменой стратегических приоритетов в постсоветский период.

Гонка вооружений сверхдержав и военная революция

Автор утверждает, что истоки «эпохального разрыва» лежат в гонке вооружений времен холодной войны. В первые два десятилетия сверхдержавы были сосредоточены на ядерном оружии и системах его доставки, что параллельно заложило основу для прорыва в обычных вооружениях: появились управляемые ракеты, спутники-шпионы и компьютерные системы управления. Во второй половине холодной войны, когда был достигнут ядерный паритет, фокус сместился на новые конвенциональные технологии. В то время как США были заняты войной во Вьетнаме, СССР добился значительных успехов в модернизации своих сухопутных и морских сил. Чтобы отыграть это отставание, США реализовали так называемую вторую стратегию компенсации (second offset strategy), ускорив разработку крылатых ракет, самолетов-невидимок и систем GPS. Война в Персидском заливе 1991 г. стала наглядной демонстрацией и символом подавляющего американского военного превосходства, достигнутого в результате этой многолетней гонки технологий.

Модернизация китайской армии в ранний период холодной войны

Военная модернизация Китая в этот период кардинально отличалась от пути сверхдержав. Страна столкнулась с последовательными угрозами от США и СССР, имела ограниченные ресурсы и была вынуждена создавать военно-промышленную базу практически с нуля. Неожиданное начало Корейской войны заставило Китай отложить планы по демобилизации армии и операции по захвату Тайваня. Необходимость срочно сократить разрыв в огневой мощи с американскими войсками привела к первой волне модернизации, которая почти полностью зависела от СССР.

Советский Союз поставил оборудование для 60 пехотных дивизий, включая современные на тот момент истребители МиГ-15. Эта помощь позволила стандартизировать вооружение НОАК до уровня позднего этапа Второй мировой войны и заложить основы китайского ВПК. Однако у советско-китайского союза были и ограничения: СССР не мог позволить себе полностью модернизировать огромную китайскую армию до своего уровня, а стратегические приоритеты стран различались. В результате к концу 1950-х НОАК превратилась в стандартизированную армию, но не достигла полной механизации, а масштабные закупки сделали невозможным новый виток модернизации в ближайшем будущем, что не позволило Китаю угнаться за новым витком гонки вооружений сверхдержав.

Возникновение «эпохального разрыва» к концу холодной войны

С начала 1960-х гг. обстановка вокруг Китая резко ухудшилась: разрыв с СССР, напряженность на границе с Индией и вмешательство США во Вьетнаме. В условиях ограниченных ресурсов и угроз от обеих сверхдержав Китай сделал стратегический выбор в пользу создания собственного ядерного оружия для обеспечения минимального сдерживания. Это решение было принято в ущерб модернизации обычных вооруженных сил. Доступ к передовым зарубежным технологиям был сильно ограничен: после 1962 г. прекратились поставки из СССР, а сотрудничество с Западом в 1970-х – 1980-х гг. носило ограниченный характер, поскольку Запад не был готов к полноценному перевооружению китайской армии. В результате к концу холодной войны китайские конвенциональные силы значительно отстали, и страна не смогла догнать «революцию в военном деле». Тем не менее в этот период был заложен фундамент для будущего рывка: была создана комплексная оборонная промышленность, а ядерная программа стимулировала развитие смежных отраслей

Преодоление «эпохального разрыва» в условиях однополярности

После окончания холодной войны динамику военной модернизации изменили два разнонаправленных процесса. С одной стороны, США, пользуясь своим технологическим превосходством, сместили фокус с подготовки к войнам высокой интенсивности на борьбу с терроризмом и повстанцами. Это привело к сокращению оборонных бюджетов и программ вооружений в 1990-х гг. в рамках получения «мирного дивиденда».

Американское военное превосходство столкнулось с дилеммой: оно было несовместимо с растущей экономической многополярностью мира и не гарантировало абсолютного доминирования, так как даже небольшие страны могли находить уязвимости в системе обороны США. С другой стороны, для Китая сложились благоприятные условия для долгосрочного ответа на этот вызов. Распад СССР снял с Китая бремя защиты от миллионной сухопутной армии на севере, позволив перераспределить ресурсы на развитие ВМС и высоких технологий. Одновременно с этим экономический подъем Китая обеспечил необходимую промышленную и технологическую базу для устойчивой модернизации.

Осознание и компенсация «эпохального разрыва»

В постсоветский период Китай принял асимметричную, но планомерную стратегию сокращения военного отставания, отказавшись от идеи полномасштабной гонки вооружений. Первоначальные усилия были сосредоточены на создании недорогих береговых систем, способных противостоять американской проекции силы: баллистических и противокорабельных ракет, а также систем ПВО. Эти возможности позже получили на Западе название «ограничение и воспреещение доступа и маневра» (A2/AD). Ключевым толчком для Китая стала война в Персидском заливе 1991 г., которая продемонстрировала не просто превосходство отдельных платформ США, а эффективность единой операционной системы, основанной на информационных технологиях. Осознав это, китайское руководство во главе с Цзян Цзэмином в 1993 г. приняло новую военную стратегию, а в 1997 г. – долгосрочный трехэтапный план модернизации до 2050 г. Практическими шагами стали закупки передовых российских вооружений (истребители Су-27/30, ЗРК С-300, подлодки класса «Кило») и разработка «того, чего боится враг», – ракет, способных угрожать авиабазам и кораблям США. В то же время на данном этапе «эпохальный разрыв» все еще сохранялся из-за технологического отставания и недостаточного развития систем управления и обеспечения совместных операций.

Ликвидация «эпохального разрыва»: китайская интеграция и американская стагнация

Ликвидация «эпохального разрыва» стала результатом двух одновременных процессов: стремительного прогресса Китая и стагнации в США. В 2000-х и 2010-х гг. Китай перешел от простой компенсации к созданию собственной интегрированной операционной системы. Этому способствовало снижение стратегического давления со стороны США после терактов 11 сентября. За этот период Китай добился огромного прогресса сразу в трех областях: 1) на вооружение поступили противокорабельные баллистические и гиперзвуковые ракеты; 2) был ликвидирован разрыв в поколениях ключевых платформ с появлением истребителей J-20, эсминцев проектов 052D и 055, а также авианосцев; 3) были созданы собственные системы управления, связи, РЭБ и логистики, необходимые для ведения совместных операций.

В конце 2010-х гг. НОАК провела масштабную реформу для внедрения объединенного командования. В то же время вооруженные силы США были истощены более чем 10-летней войной с терроризмом, а попытки администрации Б. Обамы сосредоточиться на Китае были ограничены внутренними проблемами и новыми кризисами на Ближнем Востоке и в Европе. В результате к концу 2010-х гг. 30-летний «эпохальный разрыв» был ликвидирован, а США признали Китай равной державой-соперником, в конфликте с которым «гарантированная победа» больше невозможна.

Действия в условиях после «эпохального разрыва»

Автор утверждает, что «революция в военном деле» вступила в зрелую фазу: технологии, которые когда-то были монополией США, теперь широко распространены не только среди крупных военных держав (Китай, Россия), но и региональных сил (Иран, Турция) и даже негосударственных акторов (хуситы). Это означает, что применение этих технологий больше не гарантирует такого одностороннего преимущества, какое было у США в прошлом. С 2010-х гг. США пытаются восстановить свое технологическое превосходство, в частности, с помощью третьей стратегии компенсации (third offset strategy), делая ставку на искусственный интеллект (ИИ), гиперзвуковое оружие и квантовые вычисления.

Однако эта стратегия столкнулась с серьезными трудностями. Во-первых, внутренние факторы в США, такие как политические разногласия и ослабленная промышленная база из-за аутсорсинга, мешают концентрации ресурсов. Во-вторых, изменился глобальный технологический ландшафт: США больше не являются единственным центром инноваций. Китай превратился в технологического гиганта, который сокращает разрыв в сфере ИИ и даже лидирует в разработке гиперзвукового оружия. В новых условиях крупные и дорогие платформы (авианосцы, базы) становятся все более уязвимыми, а на первый план выходят такие факторы, как устойчивость всей военной системы и инициатива командиров на местах.

Заключение

В результате история «эпохального разрыва» отражает эволюцию военных отношений между США и Китаем. На протяжении всего этого времени Китай придерживался оборонительной стратегии, а его модернизация была нацелена на устранение собственных уязвимостей и защиту национальной безопасности, а не на победу над США. Со своей стороны, США своей стратегией в постсоветский период сами способствовали ослаблению собственного технологического доминирования. Утрата этого преимущества стала ключевой причиной, по которой Вашингтон перешел к стратегии соперничества великих держав.

Автор приходит к выводу, что «эпохальный разрыв» вряд ли вернется в обозримом будущем. В условиях интенсивной конкуренции превратить временное технологическое преимущество в стратегическое доминирование будет крайне сложно. В наступившей эпохе успех будет зависеть не только от технологических инноваций, но и от способности к стратегической адаптации и мобилизации всех ресурсов государства.

Тайваньский пролив перед угрозой соперничества и кризиса: стратегические вызовы и возможности для Франции

(Le détroit de Taïwan à l'épreuve des rivalités et d'une possible crise: enjeux et options stratégiques pour la France)

Институт международных и стратегических отношений
(Institut de relations internationales et stratégiques (IRIS))

Максанс Тоорис (Maxence Thooris), аналитик. Имеет опыт работы в различных высших учебных заведениях, а также в административных учреждениях в регионе О-де-Франс. На сегодняшний день занимает позицию менеджера по международному развитию в Métropole Européenne de Lille и отвечает за реализацию и координацию проектов, направленных на развитие территориального сотрудничества. В 2023–2024 гг. прошел обучение по программе «Международный стратегический анализ: геополитика и прогнозирование» в Школе прикладной геополитики IRIS SUP.

23.09.2025. URL: <https://www.iris-france.org/le-detroit-de-taiwan-a-lepreuve-des-rivalites-et-dune-possible-crise-enjeux-et-options-strategiques-pour-la-france/>

Теги: #Франция #Китай #США #ИТР #Тайвань #ЕС

Новая статья IRIS представляет собой развернутый обзор стратегических дилемм Франции вокруг ситуации в Тайваньском проливе. Автор систематизирует ключевые данные о региональной экономике, росте китайской мощи, американской стратегии сдерживания и возможных сценариях кризиса. При этом акцент сделан на необходимости для Парижа заранее проработать варианты реакции вплоть до ограниченного военного участия. Выводы во многом повторяют устоявшиеся тезисы в западной аналитике и не выглядят радикально новыми. Сильная сторона материала – детальный обзор сценариев эскалации и их последствий для Франции; слабая – недостаток критики в адрес американской стратегии и представление Китая как основного источника угроз. Согласиться можно с оценкой экономических рисков для Европы, но преувеличенными выглядят прогнозы относительно готовности Франции принять участие в военных действиях: ее возможности в регионе все же существенно ограничены.

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), как отмечает автор, является «мотором мировой экономики»: здесь сосредоточены производственные кластеры, исследовательские центры, ключевые маршруты и запасы стратегических ресурсов. Морские коридоры, включая Малаккский и Тайваньский проливы, имеют жизненно важное значение для мировой торговли. В 2023 г. регион обеспечивал более половины мировой добавленной стоимости в промышленности и 50% расходов на НИОКР. Тайваньский пролив, через который проходит более 20% мирового морского трафика, играет особую роль. Тайвань – ключевой производитель микросхем, а его экспорт опирается на морские порты пролива. Китай же зависит от морских поставок энергии, что делает этот коридор критически важным и для Пекина. Любая дестабилизация нанесет удар по глобальным цепочкам поставок, в том числе европейским.

По словам автора, амбиции Китая стали очевидны после XIX съезда КПК, где была озвучена цель построить «великую державу» к 2049 г. Для этого Пекин активно развивает армию и флот: строит корабли, модернизирует вооружения и усиливает стратегию ограничения доступа (A2/AD), в том числе в районе Тайваня. Официальная позиция Китая остается прежней – объединение с островом предпочтительно мирным путем, но возможность применения силы не исключается.

США, в свою очередь, воспринимают Китай как «системного соперника». Экономическая и технологическая конкуренция дополняется геополитическим соперничеством: Вашингтон укрепляет альянсы (Япония, Южная Корея, Филиппины), опирается на Quad и AUKUS, усиливает присутствие в регионе. Тайвань при этом остается объектом американской «стратегии двусмысленности»: признавая принцип «одного Китая», США продолжают вооружать Тайбэй и демонстрировать готовность к вмешательству, не уточняя масштабов.

В свою очередь, франко-тайваньские отношения исторически развивались через экономику. Сегодня около 200 французских компаний присутствует на острове, особенно в транспорте, энергетике, авиации и сфере люкса. Франция – 13-й торговый партнер Тайваня, а политические контакты расширяются в основном через парламентские делегации и культурное сотрудничество. Между тем официальная дипломатия остается осторожной из-за позиции Пекина. Однако Париж называет Тайвань «важным партнером» и поддерживает его участие в международных организациях. Стратегия Франции в ИТР строится на принципе «третьего пути» – поиске баланса между сотрудничеством и независимым от американо-китайского противостояния внешнеполитическим курсом.

Автор выделяет четыре сценария развития событий: частичный или полный морской блокадный режим со стороны Китая, кампанию ударов и кибератак, а также прямое вторжение. Каждый вариант чреват серьезными рисками, в том числе случайными инцидентами, которые могут перерасти в конфликт между крупными державами. Возможны и промежуточные шаги – захват малых островов или действия в «серой зоне». Международная реакция зависит от масштабов кризиса. США и союзники могли бы от защиты морских коридоров перейти к прямым ударам по силам Китая. Япония и Австралия, вероятнее всего, окажут поддержку, тогда как Южная Корея и Индия будут осторожнее. В Европе консенсус затруднен: часть стран будет тяготеть к США, другие станут учитывать экономическую зависимость от Китая. Россия же, по мнению автора, встанет на сторону Пекина, тем самым укрепив российско-китайское стратегическое партнерство.

Любая эскалация в проливе нанесет удар по мировой экономике: транспортные издержки возрастут, цепочки поставок нарушатся, особенно в сферах электроники и автомобилестроения. Для Европы это означает рост цен, перебои с энергией и компонентами, а также угрозу финансовой нестабильности. Потери могут быть сопоставимы с 10% мирового ВВП. Франции необходимо заранее готовить меры – от дипломатических инициатив и защиты граждан до экономических планов. Среди предложений выделяются взаимодействие по линии ООН и G7, активизация диалога с АСЕАН, обеспечение свободы судоходства, создание гуманитарных и логистических механизмов. В случае крайней необходимости Париж мог бы участвовать в военных миссиях ограниченного масштаба. По словам автора, кризис в Тайваньском проливе – это не гипотетический, а реальный сценарий ближайшего десятилетия. Он способен изменить мировой баланс сил и оказать системное воздействие на экономику и безопасность.

Для Франции потенциальная ситуация напрямую затрагивает ее статус морской державы, защиту граждан, экономическую устойчивость и стратегическую роль как «державы равновесия». Поэтому Париж должен заранее выработать ясную позицию, укрепить свои региональные возможности и координировать действия с европейскими и азиатскими партнерами.

Корейский институт военного дела
(Korea Institute for Military Affairs (KIMA))

Им Чхэ Му (임채무), приглашенный научный сотрудник KIMA, журналист Korea Defence Daily

Сентябрь 2025 г. URL: <https://www.kima.re.kr/en/publication.html?html=4-3-3.html&uid=1517&s=14>

Теги: #Южная Корея #АТР #США #ИИ #ВПК

Новое правительство Республики Кореи (РК) открыто указывает в качестве цели на ближайшие годы укрепление альянса с США, а также собственного военного потенциала. В ближайшем будущем можно ожидать, что РК продолжит инвестировать в научно-техническую отрасль и привлекать молодых специалистов в оборонную промышленность, чтобы обеспечить себе лидерство в военно-технической сфере.

Автор анализирует основные направления оборонной политики нового южнокорейского правительства, выделяя такие ключевые позиции, как «восстановление доверия народа к армии» после введения военного положения, а также «создание сильной армии», которые были заявлены в пятилетнем плане министра обороны Ан Гю Бека.

Эксперт отмечает, что правительство уже принимает и продолжит принимать меры по восстановлению доверия населения к армии, чтобы обеспечить «политический нейтралитет» армии и не допустить вмешательства военных в политические вопросы. Для этого планируется «усилить демократический институциональный контроль за вооруженными силами», а также усилить «парламентский контроль за введением военного положения и создать правовую основу для отклонения незаконных и несправедливых приказов».

Также отмечается растущий интерес страны к внедрению передовых научно-технических разработок в военную сферу. Автор отмечает, что в условиях угрозы со стороны КНДР и демографического кризиса в РК правительство пришло к выводу о том, что «не сможет выиграть завтрашнюю войну вчерашним оружием», поэтому необходимо осуществлять переход к «высокотехнологичным военным структурам». Предполагается поддерживать внедрение ИИ в военную отрасль и боевые системы, развивать космические силы.

Им Чхэ Му также отмечает, что новое правительство продолжит укреплять американо-южнокорейский военный альянс до «всеобъемлющего стратегического альянса». При этом подчеркивается, что сотрудничество между странами будет направлено на сдерживание совместных угроз при помощи разработки единой оборонной стратегии. Особо выделяется курс на укрепление собственного южнокорейского военного потенциала, что в перспективе поможет усилить силу альянса.

Таким образом, среди основных направлений оборонной политики нового правительства следует выделить: 1) создание системы контроля для обеспечения политического нейтралитета вооруженных сил; 2) укрепление военного потенциала и внедрение передовых научно-технических достижений в военную отрасль; 3) развитие оборонной промышленности и укрепление альянса с США в рамках принципа «мир через силу».

Центр исследований Залива
(Gulf Research Center (GRC))

Худа Барруг (Houda Barroug), аналитик Центра исследований Залива, чьи основные научные интересы сосредоточены вокруг вопросов европейской политики в Азии и на Ближнем Востоке и палестино-израильского конфликта.

30.09.2025. URL: <https://www.grc.net/single-commentary/310>

Теги: #Палестина #Израиль #Европейский союз #ССАГПЗ #США

Статья научного сотрудника GRC Х. Барруг написана по следам новой волны признания Палестины со стороны западных держав – Великобритании, Франции, Канады, Австралии и др., что формирует картину, в которой больше трех четвертей государств – членов ООН поддерживают Палестину в качестве независимого государства. Автор кратко анализирует европейскую политику по отношению к палестинскому вопросу, разбирает трудности в строительстве палестинской государственности, которые могут возникнуть на международном уровне при вмешательстве США, и призывает к последовательной политике и консолидации действий не только внутри ЕС, но и на макрорегиональном уровне, в особенности к усилению кооперации ЕС с государствами Залива. Работа интересна как пример практически официального стратегического дискурса ССАГПЗ, переложенного в независимую экспертную оценку. Страны Залива преподносятся как ведущая сила региональной кооперации и мирного урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке.

Важно заметить, что статья не предоставляет развернутых аргументов для позиции автора, а скорее является быстрой реакцией на колебания геополитического ландшафта. Помимо общих тезисов об активной позиции государств Залива в палестино-израильском конфликте и мировом политическом пространстве в целом автор не углубляется в подробности, каким образом конкретные действия стран ССАГПЗ поспособствовали стабильности в регионе. Мысль о создании в Палестине администрации под управлением международных сил, деятельность которой будет направлена на восстановление страны и создание устойчивых институтов, коррелирует с недавним планом по прекращению войны в Газе, выдвинутым Д. Трампом, что, несмотря на отчасти антиамериканскую риторику статьи, во многом отражает традиционное для монархий Залива лояльное отношение к Вашингтону.

Признание государства Палестина со стороны традиционно более симпатизировавших Израилю европейских стран, пишет Х. Барруг, ознаменовало желание западных правительств восстановить доверие к себе на международном и внутреннем уровнях. Автор поясняет, что, одновременно отстаивая человеческие права и откровенно попустительствуя деятельности Израиля в секторе Газа, европейские государства вступили в фазу «политически амбивалентной политики двойных стандартов». Несмотря на это, эксперт подчеркивает, что вне зависимости от изначальных мотивов это значительная веха как в юридическом отношении (легальное решение о признании отмене не подлежит), так и в более глубоком репрезентативном, коль скоро в западной парадигме наконец происходит разделение понятий «сопротивление» и «терроризм». Автор выдвигает однозначную оценку деятельности Израиля и подчеркивает, что любые действия мирового сообщества не будут способствовать выходу движения за установление двух государств из политической изоляции, пока «саботаж» со стороны Израиля и его ближайшего союзника – США остается столь же активным.

Принимая это во внимание, западные страны не должны воспринимать признание как «милость» по отношению к Палестине, которая и до сентября 2025 г. была признана 150 странами, замечает эксперт. Присоединение к коалиции еще нескольких европейских государств ничего не решит в ситуации, когда США могут использовать право вето, чтобы заблокировать любое объединенное действие на уровне ООН. Более того, Х. Барруг выражает сомнение в том, что признание государства станет выходом из сложившейся ситуации. С большей долей вероятности оно и не остановит вооруженные действия, и не поспособствует переговорам между Палестиной и Израилем, а только вызовет ответную реакцию у последнего.

Далее автор указывает меры, которые могут приняты европейскими государствами для реального урегулирования вопроса. Среди них – налаживание чрезвычайных поставок провианта, пересмотр дипломатических и экономических отношений с Израилем, наложение санкций и эмбарго на поставки вооружений и привлечение к ответственности израильских лидеров. В совокупности это должно привести Израиль к соблюдению установленных границ. Также эксперт упоминает о сложном политическом и географическом положении Газы, которое требует вмешательства международных сил для помощи в восстановлении территории и создания нового правительства, действующего в интересах палестинского народа. Пока что со стороны западных стран были сделаны лишь символические жесты неприятия политики Израиля, отмечает Х. Барруг.

Отмечая трудности в проведении последовательной политики, возникающие у европейских правительств на Ближнем Востоке, эксперт видит выход в дипломатической кооперации ЕС с государствами Залива, которые могут «занять руководящую позицию по управлению дальнейшим развитием ситуации» в силу их активного вовлечения в урегулирование вопроса и твердой позиции по отношению к США и Израилю. Х. Барруг описывает страны ССАГПЗ как проводников стабильности в регионе и главных акторов региональной безопасности, приводя в пример их поддержку усилий Иордании по стабилизации Сирии, помощь Ливану в выработке устойчивых институтов, сбалансированные отношения с Ираном. В отношении палестинского вопроса страны Залива тоже занимают проактивную позицию, предлагая практические решения, подчеркивает эксперт.

В заключение автор возвращается к деятельности ЕС и еще раз выделяет, что для более успешного результата западным странам необходимо большее структурное и институциональное вовлечение в уже существующие глобальные региональные программы и коалиции по созданию устойчивой палестинской государственности. Признание – лишь символический шаг, но он может заложить основу для дальнейших направленных действий. Недостаточно только признать государство Палестина – необходимо оказать ему поддержку в самом процессе государственного строительства, резюмирует Х. Барруг.

США

Девять идей для флота: предложения по ускорению процесса наращивания ВМС США

(Nine for the Navy: Proposals to Accelerate a Delayed Naval Buildup)

Фонд «Наследие»
(The Heritage Foundation)

Брент Сэдлер (Brent Sadler), старший научный сотрудник по военно-морским операциям и передовым технологиям в Центре национальной безопасности имени Дугласа и Сары Эллисон при Фонде «Наследие». До перехода в Фонд более двух десятилетий служил в ВМС США на атомном подводном флоте, а также отвечал за внешние контакты в Тихоокеанском командовании, координируя отношения со странами АСЕАН и Японией по вопросам морской безопасности.

23.09.2025. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/nine-the-navy-proposals-accelerate-delayed-naval-buildup>

Теги: #Стратегия #Тихий океан #Флот США #Противостояние с Китаем

Данная статья является авторским переосмыслением стратегии США в Тихом океане, направленной на противостояние с Китаем за остров Тайвань. Автор предлагает девять конкретных развернутых предложений, предполагающих стремительное наращивание военно-морского потенциала США, чтобы быть готовым к конфликту с ВМС Китайской Народной Республики (КНР). Автор вполне справедливо отмечает, что текущих возможностей ВМС США может не хватить для крупномасштабного конфликта на море с КНР, а потому необходимо принять ряд мер, направленных на исправление ситуации. Данная статья интересна тем, что автор предлагает вполне реалистичные развернутые предложения по улучшению флота США с конкретными сроками. Также стоит отметить, что автор опирается на заявления ряда американских и тайваньских официальных лиц, согласно которым Китай наиболее вероятно нападет на Тайвань в 2027 г. Соответственно, и его стратегия (предложения) выстраивается вокруг этого сценария. Учитывая тот факт, что Д. Трамп на собрании высшего командного состава пообещал выделить рекордный 1 трлн долл. на оборону и в условиях смены приоритета политики США на большее противостояние с Китаем, данные предложения обладают потенциалом для реализации, по крайней мере в частичном виде администрацией Трампа. К тому же они представляют интерес и в отрыве от текущей геополитической обстановки.

Автор начинает свою статью с заявления о том, что Китай активно готовится к конфликту за Тайвань к 2027 г. и поэтому ВМС США необходимо кардинально нарастить боевые возможности в Тихом океане. Эксперт выдвигает девять предложений о том, как нарастить возможности ВМС США. При этом автор подчеркивает, что его предложения представляют собой лишь «первоначальный взнос» на многолетнюю программу реконструкции/расширения флота США, которая, по его словам, «откладывалась слишком долго». Реализацию своих предложений автор оценивает суммарно почти в 163 млрд долл.

В первую очередь Б. Сэдлер предлагает принять новый морской закон, похожий по своей сути на тот, что был принят в 1938 г. По его мнению, данный закон сможет привлечь внимание к флоту как к приоритету национальной безопасности и при этом благодаря ему не будет конкуренции с другими военными расходами. Помимо этого он позволит существенно нарастить мощности верфей США и защитить производственные мощности от бюджетных колебаний и задержек, из-за которых растет стоимость кораблей. Кроме того, с целью позволить кораблестроителям и флоту принимать наилучшие инженерные решения и осуществлять капитальные вложения, стоит принять новую программу Accountability and Workforce Support именно для верфей и флота США. Это позволит сэкономить 153 млрд долл.

Во-вторых, автор призывает создать пятую и, потенциально, шестую государственные верфи. Автор видит в них необходимость, так как текущих четырех уже недостаточно для удовлетворения потребностей флота. Предлагается разместить пятую верфь на достаточном удалении от уже существующих верфей в штате с благоприятным бизнес-климатом на тихоокеанском побережье США. В этом вопросе он ссылается в том числе на мнение текущего начальника морских операций ВМС США адмирала Дэрила Кодела, который еще в январе 2023 г. заявил о необходимости в еще двух государственных верфях в дополнение к уже имеющимся. Отдельно обозначается, что они должны быть способны принять авианосцы типа «Джеральд Форд» и субмарины типа «Колумбия». Автор призывает прописать строительство новой государственной верфи уже в текущем законе о полномочиях в сфере национальной обороны (NDAA), чтобы начать строительство верфи уже в 2026 финансовом году.

В-третьих, предлагается создать Первый флот США и укрепить партнерство с AUKUS. Б. Сэдлер пишет, что по мере подготовки КНР к будущей войне за Тайвань необходимо принимать дерзкие и смелые решения. Одним из таких решений и является создание Первого флота в тесной кооперации с партнерами по AUKUS (Австралией и Соединенным Королевством). Данный флот должен подчиняться высокопоставленному морскому офицеру с небольшим количеством штабных офицеров. Основной целью флота будет ускорение сотрудничества по военно-морской тематике в AUKUS и активное противостояние действиям ВМС НОАК в Южно-Китайском море. Помимо этого Б. Сэдлер предлагает разместить подлодку на базе ВМФ Австралии в Стирлинге, а в дальнейшем обеспечить ротацию субмарин на этой базе. Первая подлодка, по его мнению, должна прибыть не позднее 4 июля 2027 г. В качестве флагмана Первого флота он предлагает использовать быстрый экспедиционный корабль (T-EPF), а на создание самого соединения выделить 60 млн долл.

В-четвертых, автор предлагает назначить вторую государственную верфь на строительство фрегатов класса Constellation, выделив соответствующее финансирование. По мнению автора, на этом объекте должны строиться дополнительные фрегаты данного класса, дабы ускорить процесс их поставки в ВМС. Фрегат обладает 32 вертикальными пусковыми установками, имеет до 16 ударных морских ракет и один вертолет. Помимо этого он имеет такой же радар, как и эсминцы класса Arleigh Burke, а также сонарную систему. Стоимость текущего строительства плюс закупки данных фрегатов на второй верфи обойдутся в 2 млрд долл.

В-пятых, автор предлагает разместить государственные заказы на первые прототипы вооруженных беспилотных кораблей открытого моря. Автор вновь подчеркивает, что Китай готовится к войне в 2027 г. с Америкой и что мощи ВМС США будет недостаточно для победы. В качестве решения возможно два варианта. Первая опция – это быстрое размещение контингентов с оружием дальнего боя на территории восточноазиатских союзников. Вторая опция – это такое же быстрое размещение различных беспилотных платформ, схожих концептуально с платформой Ranger. Предлагается разместить заказы на подобные боевые платформы на двух верфях с учетом опыта Ranger. Суммарно вся программа (как строительство, так и обеспечение логистики и обслуживания) должна обойтись в 500 млн долл.

В-шестых, автор предлагает кардинально нарастить производство и закупку высокоточного ракетного оружия морского и наземного базирования как для систем запуска и ПВО, так и для флота. Автор отмечает, что в недавней кампании против хуситов в Красном море только одна ударная группа ВМС США во главе с авианосцем типа «Эйзенхауэр» потратила 125 ракет «Томагавк», что составило 3% от их общего количества, и 155 стандартных ракет, что составило 1,4% от их общего количества. При этом также отмечается, что производство явно не поспевает за нуждами, из-за чего необходимо увеличить заказы на все ключевые системы (включая торпеды ADCAP) на 20% по сравнению с текущим пиковым уровнем производства. В свою очередь, для этого необходимо нарастить производственные мощности за рубежом и внутри страны. Помимо этого автор предлагает нарастить производство и размещение ядерных крылатых ракет подводного базирования. Отдельно это мера потребует еще 2–3 млрд долл. дополнительного финансирования.

В-седьмых, предлагается профинансировать создание самолета палубного базирования дальнего действия. Здесь Б. Сэдлер делает отсылку на успешный опыт создания и применения самолетов F-14 Tomcat с ракетами AIM-54 Phoenix. По его мнению, флоту необходим схожий по концепции самолет, но уже следующего поколения. Необходим он в качестве ответа на китайские противокорабельные баллистические ракеты морского, наземного и воздушного базирования, такие как DF-21D, YJ-12 и YJ-21. Предполагается, что этот ударный истребитель будет иметь радиус полета без дозаправки 1500 миль и должен быть способен быстро отвечать на подобные угрозы. Автор пишет, что на данный момент на программу выделили всего 74 млн долл., в то время как флот просит 1,4 млрд долл. Автор призывает выделить средства в полном объеме.

В-восьмых, эксперт предлагает ускорить проектировку и начать заблаговременную закупку компонентов с длительным сроком поставки для программы нового крейсера ВМС США. Текущие крейсера типа Ticonderoga будут списаны к 2038 г., однако адекватной замены им так и не было создано. При этом автор подчеркивает, что новые эсминцы типа Arleigh Burke обладают весьма ограниченными боевыми возможностями и в лучшем случае могут быть лишь частичной заменой крейсеров. Текущая программа нового основного корабля для ВМС предполагает создание компромиссного эсминца количеством 28 единиц стоимостью 4,4 млрд долл., что на треть больше ожидаемого флотом. Автор предлагает переосмыслить текущую программу для создания не нового эсминца, но нового крейсера, дабы подчеркнуть исключительно важную роль крейсеров в ударных авианосных группах. Предлагается выделить дополнительные 200 млн долл. на проектировку данного крейсера к уже выделенным 180 млн.

В-девятых, Б. Сэдлер предлагает начать производство атомных подлодок следующего поколения. По его мнению, текущие атомные подлодки уже морально устарели и не отвечают требованиям ВМС США в Тихом океане. Однако отмечается, что проектировка и производство новых атомных подлодок только начались, а текущие выводятся из строя уже в 2029 и в 2030 гг. В качестве временной замены автор предлагает использовать береговые нефтяные буровые установки (платформы). Автор предлагает их переоборудовать примерно по той же схеме, по какой была переоборудована одна установка для морского радара X-band. Данные модификации могут быть произведены как раз к 2027 г. Помимо этого необходимо ускорить размещение заказов и производство субмарин, представить прототип переоборудованной буровой установки (платформы) в роли поддержки субмаринам в ближайшие месяцы. Это потребует суммарно 1,6 млрд долл.

В заключение автор заявляет о своем пожелании, чтобы его предложения были учтены конгрессом уже в 2026 финансовом году. Б. Сэдлер подчеркивает, что Китай не может быть сдержан лишь прототипами или самолетами, но что сдерживание потребует наращивания огневой мощи на море в самой краткосрочной перспективе. В то же время, по его мнению, необходимо заложить основы для устойчивого долгосрочного противостояния с Китаем на море в рамках новой холодной войны.

Observer Research Foundation (ORF)

Картик Боммаканти (Kartik Bommakanti), старший научный сотрудник Программы стратегических исследований ORF

Рахул Рават (Rahul Rawat), научный сотрудник-ассистент Программы стратегических исследований ORF

30.09.2025. URL: <https://www.orfonline.org/research/mapping-the-recent-trends-in-china-s-military-modernisation-2025>

Теги: #Китай #Вооруженные силы Китая #НОАК #Оборонный бюджет Китая #Военная модернизация #Китайско-индийский пограничный спор

Данный материал представляет собой подробный обзор современного этапа реформ и модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК), охватывающий период от преобразований 2015–2017 гг. до структурных изменений 2024 г. с созданием новых сил информационной поддержки. Авторы систематизируют ключевые тенденции в развитии всех родов войск и показывают, как НОАК движется от «механизации» к «интеллектуализации» и улучшению совместности между различными структурами. В тексте приводятся сведения о новых типах вооружений, организационных структурах, реформах командования, росте бюджета и кадровых изменениях, что делает доклад ценным справочным источником по состоянию китайского военного строительства на 2024–2025 гг. Для исследователей Индо-Тихоокеанского региона он особенно полезен тем, что связывает технологические и организационные сдвиги в НОАК с прямыми последствиями для индийского и восточноазиатского театров.

В то же время работа носит преимущественно описательный характер и опирается на источники неравного качества. Несмотря на богатый аппарат ссылок, наряду с официальными данными используются некоторые вторичные оценки и открытые медиасводки, что может ограничивать верифицируемость части выводов. Эмпирическая база сильна в перечислении систем и структур, в то же время авторы не ставили перед собой задачи детальных количественных сопоставлений. Поэтому текст стоит рассматривать не как аналитическую оценку реальной эффективности НОАК, а как подробную «хронику модернизации» – удобный ориентир по ключевым вехам и приоритетам и внутренней логике китайских военных реформ.

Введение

В статье отмечается, что военная доктрина Китая эволюционировала от фокуса на «локальных войнах» при Дэн Сяопине до цели создания «армии мирового класса» при Си Цзиньпине, способной защищать не только суверенитет, но и морские права и зарубежные интересы. Ключевым элементом новой стратегии стала так называемая интеллектуализация (intelligentisation) – комплексная интеграция информационных технологий, кибер-, космических и автономных платформ в операции НОАК. Для достижения этой цели были установлены четкие временные рамки: ускорение интегрированного развития к 2027 г., завершение основной модернизации к 2035 г. и полное преобразование НОАК в армию мирового класса к 2049 г.

Эта амбициозная модернизация подкреплена огромным экономическим ростом. Согласно представленным данным, военные расходы Китая стабильно держатся на уровне 1,6–1,8% ВВП, а их доля в общих государственных расходах даже постепенно снижается. Однако авторы подчеркивают, что в абсолютных цифрах оборонный бюджет демонстрирует «стремительный рост», и, по оценкам SIPRI, в 2025 г. он достигнет 314 млрд долл. США.

Таблица 1. Оборонный бюджет КНР в 2012–2025 гг.

Год	Официальные заявления Китая (млрд долл. США, номинал)	Оценки IISS (млрд долл. США, текущие)	Оценки SIPRI (млрд долл. США, текущие)	Рост ВВП Китая
2012	103,06	146,2	145,1	7,8%
2013	116,28	162,2	164,1	7,8%
2014	131,12	180,1	182,1	7,4%
2015	142,39	193	196,6	7%
2016	143,68	197	198,5	6,9%
2017	151,49	209,3	210,4	6,9%
2018	167,37	225	233,1	6,8%
2019	177,52	234	240,3	6%
2020	178,61	256	252	2,2%
2021	209,16	285	293	8,4%
2022	230	319	292	3%
2023	224,79	319	296	5,2%
2024	234,5	439	313	4,6%
2025	249	н/д	314	4%

Важной вехой на пути реформ стал апрель 2024 г., когда были расформированы силы стратегической поддержки (SSF). Вместо них были созданы три новые структуры, подчиняющиеся напрямую Центральному военному совету: силы информационной поддержки (ISF), аэрокосмические силы (ASF) и киберпространственные силы (CSF). В результате этой реформы структура НОАК теперь включает четыре вида войск (армия, BMC, BBC, ракетные войска) и четыре рода войск (ISF, ASF, CSF и объединенные силы материально-технического обеспечения), что направлено на усиление возможностей в сфере сетевых и совместных операций.

Сухопутные войска НОАК

В рамках реформ Си Цзиньпина, начатых в 2015 г., сухопутные войска Китая претерпели значительную реструктуризацию. Семь военных округов были преобразованы в пять командований театров военных действий, а основной маневренной силой стали общевойсковые бригады численностью до 5 тыс. человек. Эти бригады делятся на легкие, средние и тяжелые, причем последние, оснащенные гусеничной техникой и танками, обладают большей огневой мощностью, чем их американские аналоги, и лучше всего приспособлены для маневренной войны.

С 2020 г. НОАК активно модернизирует вооружение, уделяя особое внимание своим западным границам. После пограничного противостояния с Индией в военные округа Тибета и Синьцзяна были массово поставлены легкие танки Type 15, специально разработанные для высокогорных районов. Их дополняют самые мощные китайские танки Type 99A, модернизированные системой активной защиты GL-5 для противодействия БПЛА и ракетам. В эти регионы также были направлены новые самоходные гаубицы, РСЗО и многоцелевые штурмовые машины Dongfeng Mengshi (DM). Для борьбы с низколетящими целями, такими как дроны и крылатые ракеты, на вооружение поступила зенитная установка Type 625.

Китай, являясь крупнейшим в мире производителем беспилотных аппаратов, активно внедряет их в войска на всех уровнях – от отделения до бригады. На вооружении уже состоят боевые наземные роботы (Sharp Claw I UGV) и разведывательно-ударные БПЛА (KVDO02, CH-4, WZ-7), развернутые в том числе у границ с Индией и вблизи Тайваня. Изучая опыт войны на Украине, Китай уделяет приоритетное внимание доминированию на малых высотах, разрабатывая рои дронов с функцией «самовосстановления» и БПЛА, способные выполнять маневры с высокими перегрузками для уклонения от ракет (terminal evasion).

В рамках стратегии «военно-гражданского слияния» сухопутные войска НОАК внедряют самые передовые технологии. Ведется разработка автомобильных систем высокомошного микроволнового оружия (НРМ) для подавления электроники, а космическая группировка насчитывает уже более 360 спутников разведки, которые с помощью ИИ отслеживают цели в реальном времени.

Оптимизация сухопутных войск

Авторы отмечают, что на протяжении последних десятилетий численность сухопутных войск планомерно сокращалась в процессе формирования более компактной и мобильной армии. Так, она упала с 3,6 млн человек в 1980 г. до 960 тыс. в 2024 г. В то же время численность ВМС и ракетных войск, наоборот, выросла. В рамках этой ребалансировки в 2023 г. три бригады PLAА были переданы в состав корпуса морской пехоты для усиления его экспедиционных возможностей.

Эти изменения отражают сдвиг в стратегических приоритетах Китая: от фокуса на наземных операциях и обороне своей территории к защите зарубежных интересов, морских коммуникаций и информационной инфраструктуры. Сокращение численности, особенно небоевого персонала, позволяет перенаправить ресурсы на научную подготовку кадров, НИОКР и совершенствование совместных операций.

Большое внимание уделяется и качеству личного состава: НОАК активно привлекает выпускников вузов с научно-техническими специальностями; по состоянию на 2023 г. около 57% действующих военнослужащих имели высшее образование. Для повышения эффективности призыва система была изменена с одного цикла в год на два. Кроме того, в 2021 г. была запущена новая программа подготовки офицеров, направленная на развитие у них навыков управления в объединенной среде и искоренение так называемых пяти неспособностей: правильно оценивать обстановку, понять замысел вышестоящего командования, принимать оперативные решения, разворачивать войска и справляться с непредвиденными ситуациями.

Военно-морские силы НОАК

ВМС Китая превратились в грозную военную силу, став крупнейшим флотом в мире по количеству боевых кораблей – более 234 единиц на июнь 2024 г. с прогнозируемым ростом до 435 к 2030 г. Стратегия флота сместилась от обороны прибрежных вод к защите интересов в дальних морских зонах с акцентом на создание потенциала А2/АД против США. Модернизация надводного флота идет полным ходом: в июне 2022 г. был спущен на воду третий авианосец, «Фуцзянь», оснащенный передовой электромагнитной катапультной, а в апреле 2024 г. было объявлено о строительстве четвертого – вероятно, атомного – авианосца. Флот также пополнился десятым крейсером типа 055 «Жэньхай», который считается одним из самых мощных в мире и вооружен гиперзвуковыми ракетами, 25 эсминцами типа 052D, а также новыми фрегатами типа 054В («мини-эсминцы»). Значительно усилены и десантные возможности с вводом в строй четвертого универсального десантного корабля типа 075 «Юйшэнь».

Подводный флот НОАК насчитывает 59 субмарин и, как ожидается, вырастет до 80 единиц к середине следующего десятилетия. Основу морского ядерного сдерживания составляют шесть атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) типа 094 «Цзинь», вооруженных ракетами JL-3 с дальностью более 10 тыс. км, способными достичь континентальной части США. Ведется разработка ПЛАРБ следующего поколения, тип 096, которая, предположительно с помощью российских технологий, будет значительно тише. Ударные возможности усиливаются за счет ввода в строй многоцелевых атомных подлодок типа 093В и разработки более совершенных лодок типа 095. Для обеспечения боеспособности новых авианосцев разрабатывается палубный истребитель-невидимка J-35 и самолет дальнего радиолокационного обнаружения KJ-600.

Китай активно развивает и беспилотные военно-морские системы. В 2023 г. был введен в строй первый в мире автономный корабль – носитель дронов Zhu Hai Yun, который считается предвестником десантного вертолетоносца типа 076, предназначенного на роль «матки» для беспилотников. Первый корабль этого типа, «Сычуань», оснащенный электромагнитной катапультной, был принят на вооружение в декабре 2024 г. Кроме того, в ноябре 2024 г. был продемонстрирован 500-тонный высокоскоростной беспилотный боевой корабль «Косатка» (Orca) со стелс-характеристиками.

В результате комплексная модернизация, подкрепленная увеличением числа кораблей тылового обеспечения и зарубежными базами, такими как в Джибути, позволила ВМС НОАК значительно расширить свою оперативную зону в западной части Тихого океана и Индийском океане.

Военно-воздушные силы НОАК

ВВС Китая эволюционировали от силы, ориентированной на оборону своей территории, до «стратегических ВВС», став крупнейшей авиационной силой в Индо-Тихоокеанском регионе и третьей по величине в мире, насчитывая более 3150 летательных аппаратов. В середине 2023 г. ВВС поглотили большинство авиационных подразделений ВМС для улучшения стандартизации и объединения всех оборонительных воздушных операций под единым командованием. Доля современных истребителей в ВВС выросла с 4% в 2004 г. до 58% в 2024 г., а основу парка составляют самолеты J-10C, J-16 и истребитель-невидимка J-20A. Последний постоянно модернизируется, и после установки нового двигателя WS-15, который добавит ему сверхзвуковых возможностей и дальности, J-20 сможет достигать баз США в Южной Корее, Японии и на Гуаме.

Основу бомбардировочной авиации составляют модернизированные Н-6К, способные нести до шести крылатых ракет, а также гиперзвуковые ракеты YJ-21, а его вариант Н-6N может нести ядерное оружие и дозаправляться в воздухе. Ведется разработка стратегического стелс-бомбардировщика Н-20 с предполагаемой дальностью не менее 8,5 тыс. км, что позволит наносить удары по базам США на Гуаме и Гавайях и завершить формирование китайской ядерной триады, однако проект столкнулся с техническими трудностями. Важнейшим элементом вооружения стала передовая ракета класса «воздух – воздух» большой дальности PL-15, которая имеет дальность 200 км, скорость более 5 Махов и оснащена современной системой наведения с АФАР, что дает ей качественное преимущество в бою.

ВВС активно вводят в строй «умножители силы», такие как самолеты ДРЛОиУ (AWACS) серии KJ и тяжелые транспортные самолеты Y-20, которые могут использоваться как в качестве транспортников, так и в качестве заправщиков (YY-20B) и воздушных командных пунктов. Особое внимание уделяется беспилотным системам и концепции интегрированных операций с участием пилотируемых и беспилотных аппаратов (MUM-T), где дроны выполняют задачи разведки и целеуказания. На вооружении состоят различные типы БПЛА, включая высотный сверхзвуковой (более 3 Махов) разведывательный дрон WZ-8, который запускается с бомбардировщика Н-6. Общая тенденция направлена на создание роев дронов и многодоменной сети kill-web, объединяющей самолеты, сенсоры и ракеты для поражения противника.

Противовоздушная и противоракетная оборона Китая

Китай создал многоуровневую систему противовоздушной и противоракетной обороны, разработка которой исторически была мотивирована стремлением обеспечить выживаемость своих сил ответного удара и уроками войн, таких как операция в Персидском заливе. Основу системы составляют как закупленные у России комплексы С-300 и С-400, так и собственные разработки, такие как HQ-9. Сообщалось о развертывании С-400 на авиабазах в Синьцзяне и Тибете, вблизи границы с Индией.

В области стратегической ПРО Пекин активно испытывает перехватчики, способные поражать баллистические ракеты на среднем участке траектории, ключевым из которых является Dong Neng-3 (DN-3), обладающий также противоспутниковым (ASAT) потенциалом. Эта система подкрепляется сетью мощных наземных РЛС дальнего обнаружения; одна из таких РЛС, размещенная в провинции Юньнань, имеет дальность более 5 тыс. км и способна отслеживать испытания ракет на территории Индии.

Организационная структура противовоздушной обороны

Организационно ПВО Китая представляет собой интегрированную структуру, включающую три ключевых компонента. ВВС отвечают за основную часть ПВО, эксплуатируя сети ЗРК дальнего действия. Ракетные войска выполняют как наступательные, так и оборонительные задачи, включая перехват ракет, а их арсенал предназначен для подавления аэродромов и других стационарных объектов противника на начальном этапе конфликта, чтобы избежать дорогостоящих воздушных боев. Силы информационной поддержки обеспечивают космическую и радиоэлектронную основу для обнаружения и управления угрозами. Несмотря на передачу наземных систем ПВО из состава ВМС в ВВС в 2023 г., надводные корабли (эсминцы и крейсера) остаются важной частью интегрированной сети ПВО, неся на борту морские варианты ЗРК.

Заключение

В заключение авторы отмечают, что с приходом Си Цзиньпина военная модернизация Китая резко ускорилась, что позволило создать «благоприятную асимметрию» в военной силе по отношению к соседям, включая Индию, и бросить вызов США. НОАК достигла значительных успехов в повышении боеготовности и интеграции технологий.

Однако, несмотря на это, армия все еще сталкивается с серьезными внутренними проблемами: в августе 2024 г. высокопоставленный военный чиновник признал наличие «системных препятствий», таких как неэффективное управление, коррупция, медленное освоение нового вооружения и недостаточный уровень «объединенности». Тем не менее общая тенденция свидетельствует о решимости Китая преодолеть эти недостатки для защиты своих растущих глобальных амбиций. В качестве примера сохраняющихся недостатков авторы приводят плохую работу систем ПВО китайского производства в Пакистане во время индийской операции «Синдур».

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Республика Корея

**Открытие, значение и результаты
Всемирного форума по вопросам новых
угроз безопасности: гибридные угрозы
в сочетании с новыми технологиями
и реакцией международного сообщества
(2025 세계신안보포럼 개최의 의미와 성과: 신기술
과 결합된 하이브리드 위협과 국제사회의 대응)**

Институт иностранных дел и национальной безопасности
(Institute of Foreign Affairs and national Security (IFANS))

Сон Тхэ Ын (송 태 은), доцент кафедры исследований международной безопасности и интеграции

Сентябрь 2025 г. URL: <https://www.ifans.go.kr/knda/ifans/kor/act/ActivityView.do?sn=14582&ctgrySe=02&boardSe=pbl&clCode=P07&koreanEngSe=KOR>

Теги: #Южная Корея #АТР #США #Гибридные угрозы #Когнитивные войны

В Азиатско-Тихоокеанском регионе все большее внимание начинают уделять новым угрозам безопасности: гибридным войнам, кибератакам, когнитивным войнам. Одним из итогов Всемирного форума по вопросам новых угроз безопасности стало соглашение между участниками о необходимости создания платформы для реагирования на гибридные угрозы, источником которых были названы КНР, Россия и КНДР, что, вероятно, может привести в ближайшем будущем к укреплению сотрудничества между РК, США и их союзниками в сфере кибербезопасности и биотехнологий.

Сон Тхэ Ын анализирует результаты Всемирного форума по вопросам новых угроз безопасности (World Emerging Security Forum), который проводится министерством иностранных дел Республики Кореи с 2021 г. и является глобальной платформой, полностью посвященной таким новым вопросам безопасности, как киберугрозы, искусственный интеллект и квантовые технологии, биобезопасность, космос, энергетика, климат и здравоохранение.

В 2025 г. ключевой темой, обсуждавшейся в рамках форума, стали гибридные угрозы. По наблюдению автора, выступающие на форуме сошлись во мнении о том, что гибридные угрозы и сложность выявления их источника подрывают доверие между государствами, усиливают геополитическую нестабильность и коренным образом меняют современные концепции безопасности. Постепенно размывается граница между миром и войной, военной и невоенной деятельностью, что значительно усложняет правовые, политические и военные аспекты безопасности. В качестве эффективных мер противодействия предлагается не развитие технологий как таковых, а сотрудничество между государственным и частным секторами и укрепление стабильности в обществе.

Также эксперт отмечает, что серьезную угрозу представляют когнитивные войны и манипулирование человеческим сознанием благодаря дезинформации. Подчеркивается, что когнитивные войны могут стать в ближайшем будущем гораздо более эффективным способом для уничтожения противника, чем традиционная военная сила. Новые технологии и искусственный интеллект снижают барьеры для ведения когнитивных войн и делают их ведение более простым, быстрым и доступным.

На форуме обсуждалось, что серьезную угрозу представляет алгоритмический анализ личных данных пользователей в интернете, который может быть использован в пропагандистских целях. Отмечается, что гибридные угрозы намеренно используют многочисленные разногласия как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Эксперт подчеркивает, что для успешного противодействия такого рода угрозам важно признать, что дезинформация осуществляется организованным образом, поэтому важно сосредоточиться не на выявлении истины и борьбы с дезинформацией, а на повышении осведомленности граждан. Предполагается, что нейрологическое оружие станет ключевым инструментом когнитивной войны в будущем, поэтому для обеспечения национальной безопасности важно защищать медицинские данные, включая неврологическую информацию отдельных лиц.

Эксперт отмечает риски, которые связаны с атаками беспилотников. Подчеркивается, что сейчас не существует норм, позволяющих привлекать кого-либо к ответственности за жертвы среди гражданского населения в результате действий беспилотников, а контроль за беспилотниками и их запусками все больше усложняется.

Также на форуме обсуждались кибератаки на критически важную инфраструктуру. Подчеркивается большой вклад Южной Кореи по укреплению правового режима в этой сфере: в официальном заявлении на заключительном заседании рабочей группы открытого состава ООН в июле Южная Корея официально подтвердила, что международное право применяется к киберпространству и что принципы суверенитета и невмешательства также распространяются на киберпространство.

Участники форума пришли к выводу, что страны на внутреннем и международном уровнях должны развивать ситуационную осведомленность, укреплять взаимное доверие и разрабатывать меры быстрого и скоординированного реагирования. Одним из итогов форума стало согласие участников с тем, что в Индо-Тихоокеанском регионе необходимо создать скоординированную стратегическую платформу для коммуникации и реагирования на гибридные угрозы со стороны Китая, России и КНДР.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ

США

Понять взгляды России на ситуативную агрессию в Европе

(Understanding Russia's Calculus on Opportunistic Aggression in Europe)

Центр новой американской безопасности
(Center for a New American Security (CNAS))

Андреа Кендалл-Тейлор (Andrea Kendall-Taylor), старший научный сотрудник и директор Программы трансатлантической безопасности CNAS. Занимается вопросами национальной безопасности, преимущественно в контексте НАТО.

Джим Таунсенд (Jim Townsend), старший научный сотрудник Программы трансатлантической безопасности, восемь лет занимал должность заместителя помощника министра обороны США по вопросам безопасности Европы.

Кейт Джонстон (Kate Johnston), ассоциированный научный сотрудник Программы трансатлантической безопасности Центра новой американской безопасности.

Грегори Уивер (Gregory Weaver), директор компании Strategy to Plans LLC. Занимал должность заместителя директора по стратегической стабильности в управлении стратегических планов и политики объединенного комитета начальников штабов, где отвечал за разработку позиций и рекомендаций объединенного комитета по вопросам стратегического сдерживания и ядерной политики.

04.09.2025. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/understanding-russias-calculus-on-opportunistic-aggression-in-europe>

Теги: #США #Россия #Европа #НАТО #ИТР

В свежем докладе CNAS группа авторов пытается смоделировать ситуацию, при которой США столкнутся с нехваткой ресурсов из-за одновременного вовлечения в два вооруженных конфликта в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе. Вынося в качестве аксиомы неизбежность столкновения США и Китая за Тайвань, они рассматривают, как это столкновение ослабит европейскую оборону НАТО и каким образом это может привести к эскалации отношений с Россией. По их мнению, Москва, якобы заинтересованная в таком сценарии, воспользуется ситуацией для начала конфликта с соседними странами «для расширения сферы влияния». Как следствие, А. Кендалл-Тейлор, Дж. Таунсенд, К. Джонстон и Г. Уивер рассматривают, какие меры могли бы принять европейские участники Североатлантического альянса, чтобы избежать подобного варианта развития событий.

В рамках данного доклада авторы предпринимают попытку смоделировать прямой вооруженный конфликт России и НАТО после окончания специальной военной операции на Украине. Прежде всего они пытаются обрисовать наиболее вероятный геополитический контекст, который якобы может привести к такому сценарию, а также конкретные технические аспекты подобного противостояния.

Авторы материала выдвигают центральный тезис о том, что эскалация напряженности между Россией и европейскими странами Североатлантического альянса станет возможна в результате начала полноценного конфликта в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) между США и Китаем. В частности, они предлагают сценарий морской блокады Тайваня со стороны НОАК, что потребует от американской стороны серьезного вовлечения в боевые действия и траты значительных ресурсов.

По их мнению, несмотря на различие в военных потребностях на европейском и дальневосточном театрах боевых действий, Вашингтон будет вынужден перенаправить свои силы, чем обнажит восточный фланг НАТО. Европа будет испытывать «дефицит космических средств и платформ разведки, наблюдения и рекогносцировки; стратегических средств обеспечения; морской поддержки; наземной противовоздушной и противоракетной обороны; высокоточных средств дальнего действия; беспилотников; боевых самолетов, боеготовых сил, подразделений обеспечения, артиллерийских боеприпасов и технических специалистов». При этом они предполагают, что российский оборонно-промышленный комплекс окажется способен полностью восстановить и нарастить силы («в течение от двух до пяти лет») после окончания украинского кризиса, что якобы «создаст соблазн отделить США и Европу друг от друга, расширив сферу своего влияния».

Как следствие, авторы предполагают, что начало крупного конфликта в ИТР серьезно ухудшит геополитическое положение США, так как те не смогут гарантировать безопасность Европы. Они выдвигают предположение, что Россия может воспринять позицию НАТО как нерешительную, в связи с чем начнет «наступательные действия» и за счет «быстрых результатов заставит закрепить территориальные приобретения». По их мнению, реализацию этих событий ускоряет в том числе политика действующей администрации президента США Д. Трампа.

В связи с этим авторы доклада предлагают странам Европы серьезно нарастить инвестиции в военно-промышленный комплекс, чтобы облегчить для США возможность вовлечения в оба гипотетических вооруженных конфликта в разных регионах. По их мнению, у Европейского союза есть потенциал к успешной милитаризации и за счет формирования нового механизма консультаций между США и Европой Североатлантический альянс окажется действительно жизнеспособным.

Стоит отметить, что подход авторов исследования и результаты проведенной работы являются неоднозначными. А. Кендалл-Тейлор, Дж. Таунсенд, К. Джонстон и Г. Уивер склонны присваивать России исключительно «милитаристский» подход к внешней политике, исключая взвешенный анализ национальных интересов и обеспокоенности в сфере безопасности. Кроме того, они не объясняют мотивацию и причины, по которым Москва может быть заинтересована в «конфликте с НАТО», представляя его лишь как аксиому, из которой они исходят в своем тексте. Аналогичным образом авторы не рассматривают перспектив избегания конфликта в ИТР, прямо называя его начало «неизбежным». Также возникают вопросы и к пониманию ключевых терминов. В исследовании указывается, что Россия якобы хочет «расширить сферу своего влияния и восстановить систему безопасности, сложившуюся после окончания холодной войны», при этом не объясняется, что имеется в виду под подобной формой миропорядка.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Предыдущие выпуски мониторинга здесь:

Заказать экспертно-аналитическую работу
в ИМВЭС НИУ ВШЭ:

achihachev@hse.ru